

В ПАМЯТИ живы вечера поздней осени, залитая дождем Лайваседея по которой, углубляясь в ветреную тьмоту, спешим к драмтеатру людей. В тусклом свете уличных фонарей в окна трудно было рассмотреть лица, цвет в смуглом одежде. Но ясно было видно — все торопится в театр. И идут туда с охотой.

В театральном фойе задолго до начала спектакля (а он начинался в 22 часа) было много людей. Царил серьезная типичная праздничное настроение, и еще было нетерпеливое ожидание начала спектакля. По выражениям лиц и позам людей вы понимали, что скоро здесь, в этом просторном фойе, произойдет что-то новое, прекрасное и значительное.

Так начиналась и приблизительно в такой атмосфере несколько лет назад проходил в Каунасском драмтеатре спектакли поэзии «Цветы глубины». Актер Алыкс Матуляйтис собрал отряд единомышленников — своих коллег и создал спектакль по стихотворениям поэтов Антанаса Дрилингиса и Альгимантаса Микуты: единый и драматичный — истинно театральный спектакль. Правда, зрителю его показывали своеобразно — не со сцены, а прямо в фойе, в необычное время, после того, как в театре заканчивался обычный спектакль.

Труд энтузиастов не пропал даром. Зритель не остался разочарованным, а наоборот, задумой Алыкса Матуляйтиса и его немногочисленных помощников в тот раз серьезно заинтересовались многие.росло число желающих увидеть спектакль, о возникше заговорил весь город.

Правда, «убить» в этом спектакле можно было немного: отсутствовали декорации, подмостки, грим. И, наконец, актеры почти и не играли: они стояли перед зрителями и, освещенные прожекторами, изредка перегруппировывались, заставляя в скульптурных позах, декламировали, декламировали, декламировали. Вдохновенное слово поэзии, лиричный разговор, тонко вливающийся в ход спектакля фортепьянные интерлюдии, здесь же, на глазах зрителя, исполнявшиеся экспромтом композитором Г. Куправичюсом, чуток, со вкусом и чувством меры скопированные две части спектакля — вот что привлекало внимание знатоков и любителей театра.

Идея создания в Каунасе театра поэзии родилась не случайно. В последнее десятилетие город сильно вырос, а учреждений культуры здесь немного. Между тем, любо-

зательной, обладающей разнообразными духовными потребностями молодежи в Каунасе неважного меньше, чем в Вильнюсе. Зачем же ей скучать? Театр поэзии здесь очень бы помог. Так почему же не создать его?

Смысл поставить силами энтузиастов поэтический спектакль не был новым. Такие попытки не раз уже случались в практике различных самостоятельных театров. Очередной спектакль (еще всего посвященный какому-нибудь юбилею) ставили театры республики и страны. В этом смысле особенно запомнился год юбилей Саломеи Нерис, заставивший взяться за поэтические композиции актеров Вильнюса и Шяуляй. Хорошо

Оно становится неотделимой частью нашего быта.

Хорошо это или плохо? Приходилось встречать разные мнения. Одни радуются широкому размаху пропаганды поэзии, некоторые начинают беспокоиться, что массовая популяризация, наряду с положительными сторонами имеет и отрицательные, приводит к удешевлению, девальвации искусства слова. Хорошо поставленный голос актера, лишний очарования интимного общения с поэзией, приводит к стандартам в ее понимании, что, само собой, не согласуется с предназначением поэзии — удовлетворять индивидуальные духовные потребности, пробуждать внутреннюю активность.

после впечатляющей премьеры «Цветов глубины» за три года сделано слишком мало. (О замыслах, которые так и не увидели свет рампы, мы не говорим).

Людей, которые, кажется, первыми осмелились мечтать о самостоятельном театре поэзии, такое простить нельзя. Убедившись сам, убеждай других. Обязательно убеждай! Возможно, кто-нибудь заспорит: чтецы не сидели сложа руки. Сколько интересных вечеров поэзии они провели!

Это, конечно, верно. Но ставить знак равенства между вечерами поэзии в спектаклях нельзя, потому что уникальность стихотворения — интимное колебание чувства — тает в спектакле в концепции

Вайтекусом, он удалялся смелости группы актеров: в один вечер читать множество стихов одного или нескольких авторов, отличающихся друг от друга как по художественным принципам, так и по мироощущению. По его мнению, для спектакля хватило бы нескольких стихотворений того или иного поэта. Надо вести поиск сути, а не внешних красок.

Можно согласиться и с таким мнением, тем более, что сам режиссер вынашивает мысль о двухчасовом спектакле по мотивам 8 стихотворений И. Баатрушайтиса.

Но трудно одобрить последний замысел актера А. Матуляйтиса — поставить спектакль по мотивам стихов Альгимантаса Мацкуса, Ионаса Мекаса и повести Ромуальдаса Гранаускаса.

Возникает вопрос, какие у нас могут быть надежды на театр поэзии (не на спектакль) и кто в силах эти надежды оправдать.

Может быть, рано рассчитывать на театр поэзии как на учреждение, где все было бы подвластно слову, служило бы его возможностям. Реально ли это, назрела ли необходимость?

По нашему мнению, такой театр в республике уже мог бы существовать. Специализируясь только в этой области, он мог бы добиться наглядных результатов. Для этого есть все условия. И слушатель подготовлен (разве позволешь его зрителем!), и возможности подбирать репертуар сегодня неограничены, и актеров — а не это ли главное! — можно найти. Слово, голос, мимика лица и движение тела, пластика, драматически неограниченные, сегодня возможности сценарии и музыкального оформления — все это существует в пределах современной поэзии, а точнее, в ее понимании. Так почему же не мог бы существовать такой театр?

Но даже если такой театр сегодня еще практически невозможен, то театры всех профилей в нашей республике стоило бы чаще ставить поэтические спектакли. Это отвечало бы духу времени. Нельзя допустить, чтобы угас энтузиазм.

И. ЯНОНИТЕ

СУЖДЕНО ЛИ ПОБЛЕДНУТЬ ЭНТУЗИАЗМУ?

показали себя участники художественной самостоятельности. В последнее время уже организуются ежегодные смотры поэтических спектаклей, распределяются места и награды и т. д.

Итак, мы с полным основанием можем утверждать, что в республике ширится общественный интерес к поэтическому слову, к возможностям перенести его на сцену, привлечь зрителей, подниматься с его помощью к новым вершинам театрального искусства. В истории нашего театра подобного явления (но уже в смысле массовости) еще не было.

Когда пытаешься понять, из каких истоков рождается этот живой общественный интерес, не можешь не вспомнить о той огромной работе, которую проделали, популяризируя поэзию, отдельные актеры и вся секция художественного слова Театрального общества (руководитель — заслуженная артистка Литовской ССР Стефа Носьявичюте). Говоря образно, если бы мы хотели засыпать в закрома урожая, взращенными только вильнюсскими чтецами за несколько лет, пришлось бы как следует потрудиться. Тот же интерпретируемое поэтическое слово часто звучит на школьных мероприятиях, в рабочих клубах, на массовых праздниках, по радио и телевидению.

Каунасы, учредившие в городе театр поэзии, перекрестились на дальнейший шаг — убедить зрителя, что отдельные стихотворения, объединенные социальными и драматургическими связями, становятся драмой со всеми характерными ее особенностями: вступлением, кульминацией, развязкой. При условии, если при постановке каждого поэтического спектакля находить соответствующую тексту форму.

Замыслы, будем откровенны, велики. Как же они осуществляются на практике?

После премьеры «Цветов глубины», заслуживший артист Литовской ССР Леонардас Зелюлис подготовил к 70-летию годовщины Саломеи Нерис спектакль по мотивам стихов поэтессы «Ты — мое горящее сердце» (композиция Д. Юроните). Но жизнь спектакля ограничилась премьерой...

Затем последовала «Геронка» по поэме Юстинаса Мардишайвичюса (режиссер — А. Матуляйтис, декорации Р. Вайтекуса, музыкальные импровизации К. Палёкаса). И все.

Маломото. А почему — неизвестно. Может быть, возможность рететировать только по ночам, после тяжелой утомительной работы в театре или неудовлетворенная моральная и материальная заинтересованность остудила пыл группы энтузиастов? Ясно одно —

автора, режиссера, актеров, композитора и зрителя. По меткому наблюдению поэта Альгимантаса Микуты на спектакль поэзия приходила не столько слушать знакомые по книгам или периодической печати стихи, сколько подаваться очарованию вновь рождающегося художественного творения. Явится оно вкладом в театральную культуру или нет, это зависит уже не от автора, а от творческого полета создателей спектакля, их духовной культуры. Только от этого.

И все же связь между автором текста и постановщиком спектакля остается. Поэт становится равноправным создателем спектакля и членом ансамбля актеров, он не меньше режиссера или другого участника спектакля отвечает за диалог, дискуссию со зрителем.

Возможно, именно в этом новизна и очарование поэтического спектакля, которые, к сожалению, почти не чувствовались в более поздних постановках Лайваседея. Последние постановки казались незавершенными, хрупкими, они не несли в себе ясную идею.

Когда я пыталась разбирать причины неудач с режиссером Каунасского драмтеатра И.